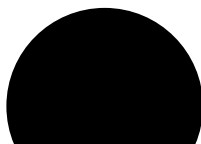

Партнер проекта

**ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Пролог. В дыму патриотизмов XIX—начала XX века	15
«За Веру, Царя и Отечество!»	15
«За нашу и вашу вольность!»	27
«Right or wrong, our country!»	37
Коллективная вина и эмпатия как тест на патриотизм	65
Патриотизм — эмоция, инстинкт или расовое чувство? .	77
У рабочих нет своего отечества?	93
Патриотизм как патернализм	99
Глава 1. Военно-патриотическая тревога кануна Первой мировой войны: прогнозы, страхи, предчувствия	107
Фантастическая футурология	107
Стыд и патриотическая тревога 1905–1907 годов	118
Эйфория патриотических юбилеев: 100-летие Отечественной войны и 300-летие Романовых	136
От «вооруженного мира» к новой военной тревоге	150
Глава 2. Начало войны и парадоксы патриотического настроения 1914 года.	167
Рабочий протест 1914 года: между революционностью и хулиганством	167
Гнев, скорбь и патриотический пафос кануна войны	177
Начало войны и уличный патриотизм: от скуки к возбуждению	188
Две мобилизации: конфликт официальной и народной версий	197
Патриотические метаморфозы интеллектуалов	208
Глава 3. Военно-патриотическая пропаганда и общественные реакции	229
Пропаганда на фронте и в тылу: формы и содержание	229
Борьба с немецким засильем: от Петербурга до Петрограда	239

Пропаганда немецких зверств: дегуманизация врага	245
Героическая мифология Великой войны: К. Крючков и Р. Иванова	254
Религиозная пропаганда и вера в окопах	266
Глава 4. Патриотические девиации	279
Война, пропаганда, умопомешательство: от патриотической идеи к <i>idée fixe</i>	279
Донос как следствие «ярого патриотизма»	290
Поиск внутренних врагов: слухи и погромы как проявления патриотического страха и гнева	301
«Русские гунны»: мародерство и насилие русской армии	320
Самозванчество как патриотическая перверсия	335
Глава 5. Гражданский патриотизм и революционизация общества	343
Благотворительность	343
Добровольчество: вольноопределяющиеся и охотники, мужчины и женщины	353
Земгор и военно-промышленные комитеты в помощи фронту и тылу: от патриотической мобилизации к патриотической тревоге	365
Государственная дума как символ перемен	374
Динамика общественных настроений: от патриотической тревоги к революционным страхам	393
Эпилог. 1917 год как патриотическая революция	415
Февраль как патриотическая эмоция, или Пасхальные поцелуи в «медовый месяц»	415
Патриотические тревоги революции: свободные граждане или взбунтовавшиеся рабы?	431
Маленький человек в гражданской войне патриотизмов	450
Послесловие	464
Краткая библиография	471
Примечания	472

Историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности.

Э. Ренан

Самая страшная опасность империализма заключается в том, что он приводит нацию к такому состоянию умов, когда нация привыкает к обману и сама не в состоянии подвергнуть себя критической оценке... Главным признаком этого болезненного состояния умов является роковое самодовольство... Какая бы то ни было критика со стороны людей собственной национальности считается признаком наглости и отсутствия патриотизма.

Дж. Гобсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незадолго до начала Первой мировой войны российский историк, лидер Партии народной свободы П. Н. Милюков выпустил брошюру, в которой доказал, что Европе не грозит война, так как она противоречит интересам не только всех народов, но и классов, а в условиях существующей международной системы является пережитком прошлого. К тому же, учитывая накопленные вооружения и военно-технические изобретения, она стала бы катастрофой даже для победителей. Незадолго до захвата власти большевиками в 1917 году некоторые газеты успокаивали читателей тем, что слухи о готовящемся партией В. И. Ленина перевороте не более чем обывательские страхи, потому что, захватив власть, большевики не смогут ее удержать, так как не в состоянии выполнить ни одно из своих обещаний, а грядущее Учредительное собрание никогда их не признает. Читая подобные аргументы, неподготовленный читатель едва ли сможет найти в них изъян, а кому-то и во все на мгновение покажется, что ни Первой мировой войны, ни Октября 1917 года никогда не было. Таким образом, с одной стороны, мы имеем железную логику доказательства того, что Первая мировая война невозможна, а с другой — исторический факт, опровергающий эту логику. В чем же подвох? А подвох в том, что история не подчиняется рациональной

человеческой логике хотя бы потому, что поступки людей зачастую иррациональны, подчинены эмоциям, а не идеям. Это не значит, что история лишена смысла и зависит исключительно от его величества Случая, а ее изучение — пустая трата времени. В конце концов, человек с его сложной психической организацией — всего лишь один из субъектов истории, помимо его воли существуют глубокие, длительные процессы и явления, повлиять на которые отдельно взятая личность не в силах. Но важнее в нашем случае другое: человеческие эмоции, страсти вспыхивают, разгораются, дрейфуют и затухают по своим собственным законам; общества как сложные открытые динамические системы имеют тенденцию к самоорганизации. Тем самым история учит исследовать прошлое не как шахматную партию между политическими лидерами или странами, классами, народами, а как совокупность сложных синергетических процессов, в которых «правила игры» динамичны и меняются в зависимости от обстоятельств. Феномен патриотизма, существующий как бы одновременно в нескольких измерениях — чувств, идей, поведения, — демонстрирует порой неожиданные переплетения рациональных и иррациональных основ.

В 2020 году я написал объемное исследование «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)» (М.: Новое литературное обозрение. 992 с.), ставшее основой для вскоре защищенной докторской диссертации. Однако построенная по законам академической науки

и несколько тяжеловесная как по языку, так и по объему, структуре книга, хотя и стала издательским бестселлером, вызвала у меня желание донести некоторые идеи и сюжеты до более широкой аудитории. При этом настоящая работа, «Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи», не стала адаптацией «Слухов, образов, эмоций» для широких кругов читателей. В определенной степени это новое исследование, посвященное более узкой теме, но с расширенными хронологическими рамками, в основной части опирающееся на ранее введенный в научный оборот, но переработанный и существенно дополненный материал. При этом в целях популяризации решено было, по соглашению с издательством, сократить количество сносок (повторное цитирование опубликованного источника идет без сноски, а ссылки на архивные документы, не всегда доступные читателям, отсутствуют вовсе). В случаях, если читателю захочется более обстоятельной аргументации тех или иных тезисов, можно порекомендовать обратиться к предшествующей монографии.

Одной из задач настоящей работы было донесение до современного читателя слов и настроений жителей прошлых эпох, поэтому акцент сделан на таких источниках, как дневники, письма, воспоминания, публицистика, а также художественные произведения (литература, поэзия, изобразительное искусство), отражавшие дух и эмоциональную атмосферу времени. Для понимания эпохи недостаточно

объективизированного подхода, обращения к макропоказателям экономической или политической истории, важным представляется изучение взгляда на события так называемого «маленького человека» с его субъективными переживаниями.

Как правило, патриотизм изучается в рамках истории идей, однако в этой книге акцент будет смещен на его эмоциональную природу. Это оправдано с точки зрения эмоциональной основы патриотического чувства как любви к «своему», а в ряде случаев и ненависти к «чужому» отечеству, так и с учетом эмоциональной подоплеки патриотической пропаганды, апеллирования к инстинктам масс. Кроме того, нередко патриотизм принимает иррациональные формы, в том числе оборачивается навязчивой идеей, психической девиацией. Это особенно характерно для обществ, в которых патриотическая пропаганда выстраивается вокруг ненависти к внешним или внутренним врагам. Сочетание подходов истории идей и истории эмоций позволит лучше понять этот феномен.

Заглавие данной книги указывает на период «крушения империи», который в узком смысле включает в себя период Первой мировой войны (также Великой, или Второй Отечественной войны), но может быть расширен до Русско-японской войны и первой российской революции. Тем не менее книга начинается с XIX века. Задачей пролога стало показать все разнообразие этого феномена как в сфере публичных дискуссий, войны идей, так и в сфере личных,

субъективных переживаний. Первая мировая война, названная в России Отечественной ввиду того, что Германия первой объявила войну России, тем не менее вызвала практически сразу в определенных кругах общества обвинения правительства в провоцировании конфликта. Формально этому способствовала не только начатая всеобщая мобилизация, на которую и отреагировал Вильгельм II, но и агрессивная риторика предшествующих лет. Тем не менее для значительной части российского общества нападение Германии на Россию дало основания для общей патриотической мобилизации. Наличие у другой части общества «антипатриотической» позиции, чувств может вызвать у читателя удивление, если не учитывать историю патриотических эмоций и, в частности, той формы гражданско-гуманистического патриотизма, который во главу угла ставит ценность человеческой жизни и «малого очага», с которого, собственно, и началась история патриотического «дыма отечества». XIX век демонстрирует более полную картину «войн патриотизмов», в том числе в периоды, когда Россия не отвечала на внешнюю агрессию, а сама осуществляла насилие как по отношению к входящим в ее состав народам, так и народам, находящимся за пределами российских государственных границ. Риторика патриотизмов девятнадцатого столетия продолжала звучать и в двадцатом. Кроме того, именно Отечественная война 1812 года, как Революция 1789 года для французов, стала началом отечественных общественных дискуссий на эту тему.

Сама война уже тогда поставила перед современниками сложные вопросы, повторившиеся во Второй Отечественной войне 1914–1918 годов, в том числе касавшиеся расхождения народных и официозных образов войны и ее отдельных героев, темы коллаборационизма (под который подводились собственные патриотические позиции), жестокости собственной армии в отношении мирного населения (в том числе соотечественников), цене победы и т. д. Тем не менее основные главы книги посвящены кануну и периоду Второй Отечественной войны, а эпилог — Великой российской революции 1917–1922 годов, которую можно рассматривать как своеобразный переходный период между двумя империями.

Хотя патриотизм как явление был известен еще во времена Античности, греки патриотами именовали соотечественников, а патриотизм существовал в локальной форме как любовь к малому отечеству, своему «очагу». В XVIII веке в философии Просвещения стали возникать современные трактовки понятия, однако превращение этого феномена в национально-государственную доктрину произошло благодаря Французской революции. Именно в революционной Франции лозунг «Свобода, Равенство, Братство» стал идейной основой гражданско-революционного патриотизма, закрепленной на уровне государственной символики — «Марсельезы» и национального флага. Таким образом, патриотизм как государственная доктрина изначально имел революционные корни, существовал именно как революционная идея.

Впоследствии французский государственный патриотизм, приобретя официальный статус, избавился от своего революционного смысла и стал считаться консервативной идеологией. Подобная инверсия характерна для большинства понятий, меняющихся с течением времени. Однако история патриотизма показывает не только линейно-исторические трансформации, но и одновременное существование разных патриотизмов. Их разность определяется как интерпретациями таких категорий, как «отечество», «нация», так и отношением к патриотизму как постоянной идеологии или временному настроению. Именно поэтому патриотические дискуссии часто ведутся на разных языках, и оппоненты редко слышат и понимают друг друга, пытаясь присвоить одному себе общее отечество и вместе с ним титул истинного патриота. Показать всю противоречивость данного феномена в истории, определенную цикличность, повторяемость бесконечных патриотических дискуссий и те кризисы, к которым они приводят, и призвана данная книга.